

другие дела (и «вечные темы»), берет в руки посох и становится впереди их. Как и должен становиться писатель.

«Так что же будем делать?» — спрашивает Иван Петрович после ночи пожара у Афони. Он теперь называет его уважительно: Афанасий. «Жить будем, — отвечает Афоня. — Тяжелое это дело, Иван Петрович, жить на свете, а все равно... все равно надо жить».

Обдумать эти слова уходит Иван Петрович по рассвету в лес. Он идет посоветоваться с землей и со своей раскрывшейся за эту ночь душой, которую, пожалуй, не закроешь обратно. Земля молчит, сопровождая его взглядом, и мы не знаем, «встречает» или «провожает» она его. Порвет ли нити, связывающие его с нею, герой Распутина или не порвет.

Распутин не отвечает на этот вопрос. В своей короткой повести, где поставлено столько вопросов и где к каждому из них как будто подобран ответ, он не видит окончательного финала. В конце концов пожар затушили, придет комиссия, придет следствие — они разберутся и в причинах пожара, и в фактах воровства, и в факте убийства дяди Миши Хампо. У них свои вопросы и свои ответы.

А у писателя — свои. Распутин предлагает нам решить им вместе с ним.

Литературное обозрение, 1985, № 12

Всеволод Сахаров

БОРЬБА ЗА ЧЕЛОВЕКА

Среди многочисленных и очень разных прозаиков, пишущих о русской деревне, Василий Белов занимает особое место. Если, например, недавно ушедшего от нас Федора Абрамова можно назвать эпиком, суровым летописцем северной деревни, то Белов — это прежде всего лирик. Его повесть «Привычное дело» останется в нашей литературе именно как поэма в прозе, где слились сдержанный северный юмор, высокая поэзия любви и горя, подлинный трагизм, цельные идеалы народной жизни. «Плотницкие рассказы» приоткрыли исторические корни этой поэзии, став продолжением темы. Некоторые критики

приняли эту поэтичность за идеализацию патриархальности и укоряли Белова. И укоры эти в какой-то мере были бы справедливы, если бы писатель на этом остановился. Но перед читателями и критикой вдруг явился совершенно другой Белов — жесткий, собранный, беспощадный в своем негодовании. Да и темы его новых произведений другие — вполне «городские», предельно далекие от какой-либо патриархальности и деревенской лирики.

Примечательное движение таланта Василия Белова и запечатлено в трех томах его «Избранных произведений». Это капитальное издание — для писателя этапное, включенные сюда повести, рассказы и пьесы обозначают непростой многолетний путь творческих исканий. Читая «Плотницкие рассказы», мы лучше понимаем идеи «Привычного дела» и исторической романной хроники «Кануны», повесть «Моя жизнь» соединена с автобиографической «малой» прозой о военном детстве, а «городские» рассказы неожиданно выводят нас к последним произведениям Белова — очерку народной эстетики «Лад» и символической пьесе-сказке о Кощее Бессмертном. В этом трехтомнике отчетливо прочитывается незаурядная писательская биография. Вместе с тем «Избранные произведения» Василия Белова важны и для понимания путей современной прозы.

В «Плотницких рассказах» мы видим главную тему Василия Белова, с которой он пришел в литературу. Тема эта — поэзия и правда народной жизни.

Первое, что бросается в глаза при чтении этой повести, — простота и задушевность, поэтичность размеренного прозаического слова, удивительная достоверность запечатленной здесь народной жизни. Спокойно нанизываются на сюжетную нить повседневные события и нехитрые детали крестьянского быта.

Василий Белов показывает нам развитие современной сельской жизни и людей, которые этой жизнью живут. Быт их суров, нечастые праздники сменяются тяжелой крестьянской работой, беспощадной борьбой с природой. В повести «За тремя волоками» уже возникал символ трудовой жизни — вологодская проселочная дорога: «Люди делали ее как могли, пробиваясь к чему-то лучшему». Так и крестьянская жизнь героев прозы писателя пробивалась через трудности к лучшему, новому бытию.

Деревенские люди Василия Белова скупы на слова и выражение чувств, порой грубоваты, ибо выросли в труд-

ном мире далекой северной деревни. Не случайно в лучшей повести Белова «Привычное дело» бабка Евстоля рассказывает сказки о пошехонцах — несчастливых мужиках-растяпах.

Да и главный герой «Привычного дела» Иван Африканович Дрынов вроде сродни этим самым пошехонцам. Недаром о нем сказано: «Русский человек умен задним умом». Простоват он иногда бывает, попадает впросак, и поэтому так добродушно посмеиваются над ним односельчане и сам автор. Но без этих забавных происшествий и чудачеств деревенская жизнь была бы беднее и монотоннее.

Судьба Ивана Африкановича немногим отличается от биографий сотен и сотен тысяч его деревенских сверстников. Он прошел войну, не раз был ранен («сквозь меня вот шесть пуль прошло»), вернулся с орденами и медалями, пережив все то, что выпало на долю его поколения. А дома снова труд, труд, труд... И нет намерения с этой жизнью расстаться... Есть чувство единства, гармонии, слияния с природой: «Ноги сами несли его, и он перестал ощущать сам себя, слился со снегом и солнцем, с голубым, безнадежно далеким небом, со всеми запахами и звуками предвечной весны».

Иван Африканович знает, что это его судьба. Тут нет никакой покорности обстоятельствам, никакой «забитости», которую порой приписывали этому спокойному, самостоятельному человеку. Он способен на серьезные поступки, сильные чувства, стойко переносит великое горе — смерть жены Катерины. И вместе с тем в нем растет ощущение единения с жизнью, приходит мудрость: «И нет конца этому круговороту... Конца нет и не будет. Жизнь. Такая жизнь».

В «Привычном деле» Василий Белов рассказал о деревенском философе, умеющем понять и принять сложное движение жизни, и потому его повествование так поэтично. Но именно в этой повести появляются веселые нотки, звучит спокойный, сдержанный северный смех. И в последних произведениях Белова эти интонации усиливаются.

У смеха, звучащего в «Бухтинах вологодских» и юмористических рассказах Белова, своя школа, особые традиции. Юмор писателя так же ровен и спокоен, как и серьезные его произведения. Для немногословных северных людей острое, бойкое словцо, ловко сплетенная байка-бухтина всегда праздник, а автор забавной истории — лучший друг и гость. Для этих людей и звучит в первую очередь

веселая проза Василия Белова, именно звучит, ибо она у Белова — всегда сказ, разговор, особым образом построенное повествование о смешном случае.

В своей прозе Василий Белов умело распоряжается многоцветным богатством народного языка, его бережная и любовная работа со словом постепенно превращается в творческий спор с ходячим представлением о крестьянской речи как о некоем неподвижном наборе витиеватых старинных и местных словечек, пересыпанных разными «анадысь», «ишо» и «таперича». Местные слова у Белова есть, ибо имеются они и в народном говоре, но он улавливает сложное движение словесных стихий нашего непростого времени.

Василий Белов силен именно там, где комизм соединяется у него с трезвой, очень серьезной мыслью о человеческой судьбе, неотрывной от движения народной жизни. За байками и бухтинами видны «Привычное дело», «Кануны» и «Плотницкие рассказы», вещи совсем не смешные.

Характерно, что к «Канунам» Василий Белов пришел от «Плотницких рассказов», от очень серьезного спора двух стариков. А после своей исторической деревенской хроники он написал «Лад», замечательную книгу об эстетике северной народной жизни. «Лад» берет свое начало в «Канунах», где целостная и красочная поэзия народной жизни, ее праздников и рабочих дней описана любовно и с немалым знанием дела, причем особо важно единство богатого и самобытного языка, на котором говорят и думают автор книги и его персонажи. Уже в открывающем книгу сне бобыля Носопыря о крестьянском боге, буднично сидящем на крашеном сосновом троне, заложена целая народная мифология, да и описания праздников, труда, обычаев, фольклора, детства, старости, любви в «Канунах» уже предвосхищают соответствующие главы «Лада».

«Лад»... Эту книгу написал сам народ за долгие столетия своей трудной чернорабочей истории. Народ создал свою душу, язык, обычаи и предания, неписанные законы, календарь, орудия и приемы труда, архитектуру, живопись, промыслы, одежду, особую педагогику, и отсюда пошли отечественная история, великая культура, Россия. И конечно же, Белов не первый об этом заговорил, да и пишет он о малой части русской земли. Но важно, как он написал об этом и что сумел сказать.

Парадоксально, но факт: блистательная художественность беловского «Лада» часто заслоняет от нас назначение и смысл этой уникальной книги, мешает правильно определить ее жанр. Да, Белов замечательный художник, и в «Ладе» звучит все богатство народного слова. И все же это подлинно научная книга, монографическое исследование народной жизни, опирающееся не только на собственный опыт и материал, но и на множество книг, документов, фольклорных записей, на письма читателей, музейные архивы и экспозиции. Здесь в иное время и другими способами продолжается благородная работа П. Киреевского, В. Даля, А. Афанасьева и других наших замечательных ученых. Такой поворот писателя к этнографии неожидан лишь на первый взгляд. К «Ладу» Белов, в сущности, шел всю жизнь, которая, в свою очередь, была продолжением жизни его родных, односельчан, их предков. И это, конечно, этнография, наука, но не сухая академическая, а живая, вырастающая из толщи народной жизни.

Все писания на эту тему условно делятся на общие трактаты о народной жизни и частные описания отдельных ее сфер. Первые характеризуются немалой высотой и решительностью обобщения, и такие трактаты о России и русских писались в свое время Г. Котошихиным, М. Щербатовым, Н. Карамзиным, П. Чаадаевым, создаются они и поныне. Однако при всей остроте и устойчивости читательского интереса к такого рода публицистическим выступлениям мы часто сталкиваемся в них с парадоксами, излишним заострением и торопливыми обобщениями. Так, один публицист утверждает, к примеру, что главная черта русского человека — доброта. Кто будет с этим спорить! Только как быть тогда с нашей историей, с любимыми народными песнями о Стеньке Разине, Пугачеве и других русских бунтарях, предельно далеких от елейного квакерства? Другой объявляет русского человека бесформенным, легко занимающим форму у других. Но если идти вслед за этой логикой — сама устойчивость этой пресловутой «бесформенности» не есть ли как раз национальная форма?.. Словом, эти и подобные им субъективистские публицистические парадоксы вряд ли способны приблизиться к истине и уж никак не исчерпывают разговора о русском народе, его сущности. Конкретные же, зачастую локальные исследования народной жизни при всей их очевидной пользе нередко грешат сугубой академичностью, фрагментарностью и описательностью.

Василий Белов, отлично понимая недостатки подобных методов изучения народной жизни, выбрал свою дорогу. Он увидел и нам показал эту жизнь изнутри, как саморазвивающийся организм, с точки зрения ее собственных законов и путей, ее прошлого, будущего и настоящего. Любое явление, изъятое из этого духовного контекста, становится мертвой музейной ценностью. «Устное народное творчество живо совершенно независимо от своего, так сказать, научного воплощения, совершенно не интересуясь бледным своим отражением, которое мерцало в книжных текстах фольклористики и собирательства», — сказано в «Ладе», и эти слова можно отнести к другим ценностям и сферам народного бытия.

Не следует усматривать здесь недооценку Беловым науки или высокомерное пренебрежение к ней. Но жизнь, тем более жизнь народа, — не схема, а ритм, лад, и понять ее, исходя из одних только научных обобщений, трудно. Здесь надобны бережливость и полнота, возможные только тогда, когда жизнь проверяется законами самой жизни. Именно таков главный принцип «Лада», книги, показавшей ритм народного бытия как бы изнутри, на примере многовековой истории маленького уголка русской земли — Вологодчины. Эта книга Василия Белова стала как бы энциклопедией народной жизни, настольной книгой для любого, интересующегося историей нашей страны, нашего народа, его бытом и обычаями, складом национального характера, его истоками. И в этом непреходящее значение «Лада», огромный педагогический его смысл, ибо, показав лад и ритм, книга борется с любым разладом, всегда уводящим от верных путей утверждения жизни. Ясно, что в первую очередь «Лад» адресован нашей молодежи, определяющей свою жизненную дорогу, он раскрывает жизнеспособную основу народной жизни, нацеливает на преимущество этих корневых жизнеутверждающих и жизнесохраняющих начал.

«Ладом» творчество Василия Белова отнюдь не завершается. В последние годы в его прозу настойчиво просится и находит там достойное место сатира, беспощадная критика негативных жизненных явлений и тенденций. И тут его писательская судьба схожа с судьбой Василия Шукшина, с исканиями Федора Абрамова — автора отнюдь не идиллического романа «Дом»...

«Городская» проза Белова на первый взгляд написана «на другом языке», нежели его произведения о вологод-

ской деревне, и рассказывает совсем о другом. Однако вчитайтесь в повесть «Плотницкие рассказы», вспомните, что Олеша Смолин говорит о современных семьях: «Нынче живут прохладно». Вот зерно, из которого выросли драматичные в своей основе, полные маленьких повседневных страданий и метаний рассказы «Воспитание по доктору Споку», «Дневник нарколога», «Свидания по утрам» и «Чок-получок».

«Воспитание по доктору Споку» начинается с характерного для прозы Белова лирического сельского пейзажа. Писатель, как правило, выражает чувство счастья, полноты жизни посредством нетронутой природы, ее красоты и гармонии. Но в рассказе эту светлую, элегическую ноту былого лада жизни беспощадно прерывает будильник, возвращающий обыкновенного прораба Зорина к его будням. И сразу же банальность начинает лепиться к пошлости, звучит заигранная пластинка семейного скандала. Олеша Смолин и его северная деревенская банька сразу становятся далеким раем. Прораб убегает на работу от тихой постоянной злобы жены, но и там вязнет в тине обыденных тягостных мелочей. Рассказы «Свидания по утрам» и «Чок-получок» продолжают эту историю повседневных страданий, взаимного непонимания. Лада здесь нет, да, кажется, и быть не может. Символ этой нелепой семейной жизни — воспитание дочки Зорина «по доктору Споку», внешне научное, правильное, а внутренне уродливое и губительное.

Рассказы Василия Белова — борьба за современного человека, его счастье, за культуру и искренность человеческих отношений, страстный призыв к совершенствованию этической сферы нашего бытия, без которого не усовершенствуешь и все остальные сферы. И борьба эта ведется не только средствами сатиры. Книга об эстетике народной жизни «Лад», не являясь, разумеется, учебником жизни для человека наших дней, безусловно, помогает ему понять потери и обретения его неоднозначного и далеко не статичного бытия. Без «Лада» и «городская» проза Белова не будет понятна до конца.

У Василия Белова свой круг устойчивых тем и интересов, любимые герои, даже любимые пейзажи. Однако проза и пьесы его отнюдь не замыкаются в одном этом кругу. Об этом самоочевидно свидетельствуют три тома его «Избранных произведений».

Москва, 1985. № 10